

Этот документ подготовлен в соответствии с алгоритмом системы «Феникс». Текст прошёл через этапы диагностики (ДИАМП), глубокой синтаксической натурализации и художественной доводки (ТХОТ-Р) с соблюдением параметров СДПР.

***

— Сам ты больной, — Цзян Чжоу отвесил брату шуточный подзатыльник. — Радуйся, что сегодня твой день рождения. Будь это обычный день, попробовал бы ты меня укусить... Ну же, давай.

Цзян Си не стал скромничать. Широко открыв рот, он только коснулся зубами кожи, как брат скорчил комичную гримасу боли. Мальчик усмехнулся:

— Я же ещё даже не сжал челюсти.

— Знаю! Давай уже быстрее! — Цзян Чжоу зажмурился.

Цзян Си слизнул выступившую на запястье слюну, но вместо того, чтобы укусить, вдруг прижался губами к тыльной стороне ладони брата и звонко чмокнул. Затем легонько похлопал по руке:

— Готово.

Этот неожиданный нежный жест подействовал сильнее любого укуса. У Цзян Чжоу по правой руке пробежали мурашки, она словно онемела — будто её и впрямь парализовало. Чтобы не выдать себя покрасневшим лицом, он тут же напустил на себя сердитый вид и прикрикнул:

— Совсем дурак? Я тебе велел кусать, а не целоваться! На кой чёрт мне твои нежности!

Цзян Си невозмутимо ответил:

— Так я и укусил.

— Укусил он... Аж звук на весь дом!

Цзян Чжоу перехватил его за предплечье — кожа у младшего была светлой и нежной, точно корень лотоса. Рассчитав силу, он ощутимо прикусил руку брата. Тот невольно охнул.

Он разжал зубы и, победно указав на оставшийся след, заявил:

— Видал? Вот это называется...

— Цзян Чжоу! У тебя что, совсем крыша поехала? Зачем ты брата кусаешь! — В дверях внезапно появилась Линь Энь. От праведного гнева она едва не потеряла самообладание.

«Как я мог забыть закрыть дверь?» — обречённо подумал Цзян Чжоу.

— Сиси, этот оболтус тебя обижает?

Не успела тётя Линь сделать и шага в комнату, как Цзян Си молниеносно впился зубами в руку брата — на этот раз по-настоящему сильно. Цзян Чжоу взвыл на всю ивановскую. Линь Энь окончательно вышла из себя.

— Тётя Линь, мы просто играем, кто кого сильнее укусит, — пояснил Цзян Си. — И я веду со счётом два-один!

— А... ну тогда ладно, — успокоилась женщина, взяв себя в руки. — У твоего брата шкура дублёная, так что не жалея его, кусай крепче.

Когда тётя Линь ушла, Цзян Си тут же принялся дуть на руку брата:

— Фу-фу... больно, да?

— Отойди от меня, — со смехом оттолкнул его Цзян Чжоу. — Всё, лавочка закрыта. Больше ты меня кусать не будешь, так и знай.

***

Празднование дня рождения Цзян Сиси выдалось на редкость удачным. Это светлое послевкусие растянулось больше чем на месяц; мальчик даже ходил теперь вприпрыжку.

Молодой господин Цзян, лениво прислонившись к косяку с кружкой горячего чая с молоком, наблюдал за «трудолюбивой пчёлкой», которая всюю жужжала в соседней комнате.

— Эй, — он ткнул пальцем в плечо «пчёлки».

Цзян Си как раз заканчивал пылесосить коврик у входа. Увидев брата, он тут же выключил аппарат:

— Что такое?

— Пройдись у меня в комнате тоже, — Цзян Чжоу подул на пар, поднимавшийся от кружки.

— Хорошо, — Си выдернул шнур из розетки и, волоча его за собой, зашёл к брату.

При всей своей лености Цзян Чжоу всегда убирался сам — когда-то он даже в шутку оставил «строжайший наказ», запрещающий кому-либо прикасаться к его вещам. То, что сегодня он сам попросил о помощи, Цзян Си счёл большой честью. Впрочем, в комнате и так было чисто: пылесос почти не нашёл работы. Сделав пару кругов для порядка, мальчик нажал на кнопку:

— Всё.

— Прямо-таки всё? — Цзян Чжоу, прислонившись к книжному шкафу, бросил ему тряпку. — Пыль ещё протри.

Цзян Си послушно принялся за полки. Брат, потягивая свой напиток, с довольным видом наблюдал за процессом.

— Хочешь чаю?

— Нет, спасибо, — отозвался Си. Только Цзян Чжоу мог целыми днями пить эту приторную сладость.

— Это ещё почему? Я его сам приготовил, а ты брезгуешь? Ты что, меня не уважаешь? — Брат картинно вскинул бровь.

— Ладно-ладно, выпью. — Мальчик отложил тряпку и подошёл ближе.

Но стоило ему протянуть руку, как Цзян Чжоу выпрямился и поднял кружку высоко над головой:

— А вот и не дам!

Цзян Си лишь молча вернулся к работе, даже не попытавшись ввязаться в спор. Цзян Чжоу стало скучно. Послonyaвшись немного, он снова спросил:

— Ну правда, хочешь глоточек?

— Спасибо, не нужно.

— Ну выпей, прошу тебя! — Цзян Чжоу поднёс кружку прямо к его губам. — Если не попробуешь, лопнешь от зависти. А если не выпьешь, я так расстроюсь, что кусок в горло не лезет!

Убедившись, что брат не собирается в последний момент отдернуть руку, Цзян Си сделал глоток и вернул чашку. Не успел он и слова сказать, как Цзян Чжоу снова запричитал:

— Какая дерзость! Ты хоть знаешь, из чего сделан этот нектар? Я целый день ползал по горам, собирая этот чай. А молоко...

— Сам доил корову на ферме? — быстро перебил его Си.

— Именно! — подтвердил Цзян Чжоу. — Она меня ещё и копытом пару раз приложила.

Цзян Си рассмеялся:

— Всё, я закончил. Мне пора.

Наблюдая, как брат выносит пылесос, Цзян Чжоу снова привалился к двери:

— Скоро Новый год... Слышь, пойдём на каток? Будем летать как ветер! Ощутишь настоящий драйв!

— Я боюсь упасть, — признался Цзян Си. Ему и скейтборда хватило, чтобы набить кучу шишек.

Спорт никогда не входил в число его интересов; даже утренние пробежки он терпел только ради надежды подрасти. Но жизнь рядом с фанатом движения не оставляла выбора: Цзян Чжоу пытался втянуть его в любую активность.

— Положись на меня. Обещаю: упадёшь максимум три раза.

— Братик Си, ты что, убираешься? — К ним подбежала маленькая Цзян Куэй и, ластясь, вцепилась Си в руку. — У меня в комнате тоже беспорядок, помоги мне, а?

— Конечно, — Цзян Си поднял пылесос.

— Минуточку, — Цзян Чжоу преградил им путь. — У меня ещё не всё чисто.

Малышка Куэй смерила брата суровым взглядом:

— Ну тогда я в очереди.

— Без проблем, — Цзян Чжоу втолкнул Цзян Си обратно в свою комнату и захлопнул дверь перед носом сестры. — Только учти, у него всё расписано на эту жизнь вперёд. Записывайся на

следующую!

***

В школе дежурство выпало на Цзян Си и Ли Чжимина. Ван Нинъюй осталась помочь, но лишние руки не всегда означали пользу.

Цзян Си уже успел подмести и вымыть полы во всём классе, а эта парочка не осилила и одного окна. Они стояли в углу, то хихикая, то перешептываясь, и, кажется, только чудом не начали вытирать тряпками лица друг другу.

«Ну и судьба у меня, — уныло подумал Цзян Си. — Дома брат проходу не даёт, а в школе приходится терпеть вот это... непотребство».

— Что-то мне не по себе, холодком повеяло, — Ван Нинъюй обернулась и, встретившись с ледяным взглядом Цзян Си, смущённо толкнула Ли Чжимина. — Сходи мусор вынеси. Я доску вытру, а то Сиси один за всех отдувается.

— Ой, — Ли Чжимин глупо заулыбался. — Прости, напарник.

Цзян Си покачал головой:

— В следующий раз я буду дежурить в паре с одной только Ван Нинъюй.

— Да пожалуйста, она только рада будет! Можем и местами в классе поменяться, — хохотнул Чжимин.

— Слишком много наглости, — медленно произнёс Си.

Ли Чжимин, весело размахивая корзиной, выскочил в коридор:

— Да ладно тебе, я же любя... Ой, кумир!

Он тут же попятился обратно в класс:

— Был неправ, Сиси! Наша дружба — навек! Там твой брат за дверью ждёт.

Цзян Чжоу выглядел мрачнее тучи. С самого утра он был сам не свой. Когда Цзян Си подошёл к нему, брат даже не поднял глаз.

— На Новый год катка не будет, — глухо буркнул он. — Придётся ехать к деду.

***

Этот загадочный дед явно был фигурой внушительной и грозной. Одного упоминания о нём хватило, чтобы настроение Цзян Чжоу упало ниже плинтуса. Всю неделю до праздника он ходил сам не свой.

Единственной светлой новостью стали дела с маленьким трактором «Чуньи». После бесконечных созвонов с Ху Фанем Цзян Чжоу наконец представил бизнес-план отцу. Цзян Бинлинь, изучив бумаги, бросил короткое «можно попробовать», от чего юноша на миг воодушевился.

Но радость была недолгой: наступил канун Нового года. Семья отправилась в уезд Пин, родовое гнездо.

Всю дорогу Цзян Чжоу молчал. Он либо сверлил взглядом пейзаж за окном, либо спал, положив голову на плечо Цзян Си. Несколько раз родители пытались завязать разговор, но их попытки разбивались о стену его угрюмого безмолвия.

Цзян Си поначалу тоже дремал, но потом сна не стало ни в одном глазу. Остаток пути он провёл вместе с Цзян Куэй, досмотрев «Понь на утёсе» и целиком осилив «Ходячий замок».

Когда машина наконец остановилась, Линь Энь объявила приезд и, обернувшись, невольно улыбнулась. Цзян Чжоу так и спал на плече Си, а маленькая Куэй устроилась у того на коленях. Сам мальчик сидел с совершенно потерянным видом, безропотно снося тяжесть обоих тел.

— Сиси, ну что же ты их не растолкал? Совсем тебя облепили.

Цзян Бинлинь вышел и забрал дочь на руки. Цзян Чжоу проснулся, но выходить явно не спешил. Он тяжело вздохнул, глядя в окно, и крепко сжал руку брата:

— Что бы они ни говорили, не слушай. Просто держись меня, понял?

Цзян Си кивнул. Тем вечером слушать ему действительно пришлось немного.

***

Цзян Си догадывался о причинах нервозности брата. За год жизни в семье он ни разу не видел деда — тот явно не одобрял выбор сына и не желал знакомиться. Поездка в уезд Пин не означала примирения; скорее дед решил проявить любопытство или ещё раз чётко обозначить

свою позицию.

Цзян Си было всё равно. Для него семьёй были те четверо, что были рядом, а дед в этот список не входил.

Из-за темноты старая усадьба показалась лишь огромным двухэтажным силуэтом с массивными железными воротами и просторным двором. Цзян Си шёл за братом след в след. Вскоре на смену ночной прохладе пришёл тёплый воздух, а тишина взорвалась гомоном голосов — они пришли к праздничному столу.

Десятки людей уставились на Си. Это чувство было ему знакомо, но всё равно стало не по себе. Он сильнее сжал ладонь Цзян Чжоу.

— А вот и наш маленький Цзян... — начала было тётя Линь, но её прервал холодный, властный голос:

— Опоздали — так садитесь скорее.

Оборачиваться не требовалось: по тону сразу стало ясно и кто говорит, и как он настроен. Цзян Си не питал иллюзий, поэтому не расстроился, но брат стал ещё холоднее.

— Цзян Чжоу, иди сюда, сядешь рядом с дедом, — позвал кто-то из родственников. — Дедушка соскучился по старшему внуку.

Он, не проронив ни слова, потянул Си за собой к главному столу. Но стоило им подойти, как старик отрезал:

— Разве ты не видишь? Мест нет.

На празднике накрыли два стола. За дедовским сидели только мужчины, за вторым — женщины и дети. По правилам деда, Цзян Си не имел права занимать место за главным столом.

— И правда, тесновато, — хладнокровно бросил Цзян Чжоу и увёл брата ко второму столу.

— Цзян Чжоу, вернись! — окликнул отец.

— Мало того что опоздали, так ещё и мины строит. Хорошего же сына ты воспитал, — проворчал дед. — Ладно, плевать, где он ест. Начинаем.

Атмосфера мгновенно снова стала шумной. Цзян Си поразился количеству людей — откуда

взялись все эти дети и незнакомые лица?

— Это братья и сёстры деда, а также их дети и внуки, — пояснил Цзян Чжоу, словно прочитав его мысли, и положил брату в тарелку лучший кусочек.

— Эй, тебя как звать? Семьи совсем не осталось, что ли? И родственников нет, никто не присматривает?

Цзян Си только взял палочки, как над ухом зазвучали бесцеремонные вопросы. Он даже не успел рассмотреть, кто это говорит.

— Ешь и не слушай, — отрезал Цзян Чжоу.

Но голоса не утихали. Вскоре младшее поколение потянулось к деду с тостами и пожеланиями. Тётя Линь взглядом велела Цзян Чжоу тоже проявить уважение. Оставшись без защиты брата, Си мгновенно оказался в кольце любопытных «доброжелателей» с теми же вопросами.

Цзян Чжоу выпил за здоровье деда, и тот уже набрал воздуха, чтобы прочесть нотацию, но внук поставил бокал и перебил:

— Дедушка, я тут номер подготовил. Сначала дослушай, а потом ругайся.

— Что ещё за номер? — удивился Цзян Бинлинь.

Цзян Чжоу достал гитару, которая с самого приезда стояла у стены.

— Песня. Только что сочинил. Хочу порадовать всех в этот праздник.

Дед нахмурился:

— Кто захочет слушать твое бренчанье? Ты ещё и гордишься этим бездельем? Посмотри на себя...

— Тш-ш, дедушка, — Цзян Чжоу приложил палец к губам. — Когда кто-то выступает, нужно молчать. А поаплодируешь потом. Это вопрос вежливости.

Прежде чем старшие успели возмутиться, он ударил по струнам. Изящное вступление мгновенно заглушило шум голосов. Си видел, как брат заносил гитару, но не заметил, когда тот успел её настроить.

«Наверное, сейчас будет что-то весёлое», — подумал мальчик, но с первой же строчкой понял,

как ошибался. После элегантного вступления ритм стал диким и необузданным. Голос брата, обычно такой приятный, теперь рвался наружу хриплым, яростным потоком:

—

С Новым годом, отвяжитесь,

Жизнь — не школа, не дождетесь!

Сын — отличник, дочь — невеста,

Ваша радость — мне не к месту!

Не хочу зубрить я книжки,

Буду в поле пасти хрюшек,

Или на стройке гнуть я спину —

Вам-то что? Давай, подвинься!

Отвалите, всё отлично...

—

Когда он закончил, в комнате на несколько секунд повисла гробовая тишина. Цзян Си был не просто шокирован — он всерьёз испугался за связки брата.

Но Цзян Чжоу как ни в чём не бывало заговорил своим обычным голосом:

— Это только набросок. Самое искреннее пожелание, которое я копил все эти годы. Если захотите продолжения — ждите следующего года. Спасибо за внимание!

Цзян Бинлинь хотел было броситься к сыну, но дед его опередил. Старик с грохотом швырнул чашку на пол, а следом потянулся к палочкам, чтобы запустить ими в наглого внука. Его рев перекрыл недавний шум гитары:

— Вон! Пошёл вон отсюда! Чтобы духу твоего за столом не было! Живо!

Цзян Си рванулся было следом, но тётя Линь железной хваткой вцепилась в его плечо и прошептала:

— Сиди. С ним всё будет в порядке.

— Опять брата запрут, — вздохнула Куэй.

Сердце Цзян Си ушло в пятки. Он видел, как дед и ещё несколько мужчин вышли вслед за братом.

— Они же не будут его бить?

— Нет, — Линь Энь заставила его сесть, тон её стал строгим. — Твой брат сегодня перешёл все границы.

Старик вернулся, и ужин возобновился. В комнату вернулся смех и звон посуды, словно и не было того скандала. Но Цзян Си не мог этого забыть; еда застревала в горле. В тот момент, когда тётя Линь положила ему в тарелку кусочек рыбы, свет в доме внезапно погас.

— Электричество отключили? — зашумели гости, доставая телефоны. Кто-то пошёл проверять щиток.

Цзян Си вскочил. Брат! Он боится темноты!

— Тётя Линь, где его заперли?!

— Обычно в его комнате, — отозвалась Куэй. — Напротив, на втором этаже, первая дверь слева.

— Сиси, не волнуйся, — Линь Энь включила фонарик. — Ну посидит в темноте немного, ничего не...

«Она что, не знает?!»

Цзян Си не стал слушать. Он рванулся вперёд и в темноте налетел на кого-то. Послышалась ругань: «Куда прешь, ошалел?! Убиться захотел?!»

В доме было не разглядеть ни зги, а снаружи — и того хуже. Цзян Си, спотыкаясь и едва не падая, добежал до соседнего флигеля. Взлетая по лестнице, он чуть не сорвался вниз. Оказавшись у заветной двери, он при свете луны увидел... замок!

На двери висел дешёвый, хлипкий замочек. Эти люди... они действительно заперли его в

темноте! За кого они его принимают?!

Сдержав крик ярости, Си ударил по замку кулаком — без толку. Оглядевшись в поисках инструмента, он заметил на подоконнике тяжёлый декоративный булыжник. Схватив его, он двумя мощными ударами сбил дужку и распахнул дверь.

В комнате стоял затхлый запах — здесь давно никто не жил. Глаза ещё не привыкли к темноте, и Цзян Си позвал брата, но ответа не последовало. Паника накрыла его с головой. Он принялся шарить руками по столу и, к своему облегчению, наткнулся на зажигалку.

Чиркнуло пламя. При тусклом свете он разглядел комнату: кровать была пуста, на ней лежала лишь гитара.

— Брат! — Си присел, заглядывая под мебель. И там, забившись под письменный стол, он наконец увидел скорчившуюся фигуру Цзян Чжоу.

<http://bllate.org/book/17532/1705370>